

МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НАПОЛЕОНовСКОЙ ЭПОХИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Е. А. Назарян

Научно-исследовательский институт Военной академии Генерального Штаба ВС РФ, г. Москва

Люди эпохи 1812 года... Их молодость была овеяна славой. События их жизни легли в основу романов и до сих пор будоражат умы и волнуют воображение. Для нескольких поколений они были героями, примерами мужества и отваги, образцами для подражания и поводом для гордости. Они стали опорой государства в самых сложных ситуациях: будь то покорение новых территорий, проведение реформ или подавление бунтов.

Не смотря на восторженное отношение общества, к себе эти люди относились достаточно трезво, с известной долей иронии и самокритики. Отправившись на войну молодыми повесами и пройдя через рутину войны и горнила сражений, они изменились, с достоинством встречали удары судьбы. Одной из таких сложных коллизий войны являлся плен. Проблемы военного плена эпохи двенадцатого года изучены фрагментарно. Одним из источников, позволяющим осветить некоторые аспекты этой темы, являются мемуары русских военнопленных.

В данной статье мы обратимся к воспоминаниям генералов и офицеров российской армии, попавшим в плен, попытаемся показать ценность этих материалов как исторического источника, и проследить, какой след они оставили в исторической памяти поколений.

На сегодняшний день выявлены мемуары В. А. Перовского, М. А. Коцебу, П. А. Тучкова 3-го, А. М. Барановича, К. М. Польторацкого.

Наиболее часто цитируемым источником являются воспоминания В.А. Перовского, впервые опубликованные П. И. Бартеневым в 1865 г. в журнале «Русский архив» [1, с. 256–258].

Представляется немаловажным изучение, как обстоятельств со-здания источника, так и личности его создателя. Мемуары В. А. Перовского были предоставлены для публикации его бра-тром Борисом. Оригинальный экземпляр хранится в РГИА. Это тетрадь темно-коричневого цвета в кожаном переплете, текст изобилует многочисленными правками. Датировка документа сотрудниками архива дана очень широко – с 1815 по 1857 гг., т.е. вплоть до смерти В. А. Перовского [2]. Однако через не- сколько страниц после воспоминаний о пребывании в плену, следует текст на французском языке – впечатления о пребыва-нии в г. Ла-Шапель (современный Аахен). Этот текст датирован 20 августа 1821 г. Следовательно, воспоминания были написаны не позднее 1821 г.

Второй раз мемуары Перовского опубликовал И. Н. Заха-рын (Якунин) в 1901 г. в приложении к книге «Граф В. А. Пе-ровский и его зимний поход в Хиву», где он указал, что текст «печатается с рукописи, исправленной рукой В. А. Жуковско-го» [3, с. 15].

В воспоминаниях Перовский подробно описывает обсто-ятельства, при которых попал в плен в сентябре 1812 г., этапиро-вание пленных из Москвы до Бородинского поля. Далее записи прерываются и возобновляются только в феврале 1814 г. [2, л. 5]. Перовский описывает свою попытку побега из плена в Орлеан, где на тот момент находились русские войска.

На переходе из Орлеана в Божанси, он узнает от местных жителей, что в районе Орлеана видели казаков и предлагает своему другу, которого в своих записях именует «С.» бежать. По дороге молодым людям удалось нанять проводника – про-стого крестьянского парня. Перовский пишет: «Окрестности Орлеана весьма населены. Деревни одна подле другой, и везде нацио-нальная гвардия содержала караулы при въездах и по улицам. Несколь-ко раз окликали и нас; везде отвечал проводник, и нас пропускали. Погода была дурная; выпало довольно много снегу, и идти было очень трудно; мы оба устали... С. так устал, что почти стал на ходу и часто падал, наконец, совершенно отказался идти далее, – до Орлеана

оставалось еще верст восемь. В первой деревне, которая попалась нам на дороге, мы решились остановиться, хотя на час, и подкрепить си-лы. В намерении сем стучались мы у нескольких домов: в иных нам не отвечали, хозяева других отказывались впустить нас, иные даже угрожали бросить в нас каменьями, если тотчас же не отойдем. Не-чего было делать! Подосадовали и пошли далее... Наконец начало уже рассветать, и мы взошли на возвышение, покрытое виноградником. Здесь показал нам проводник в весьма близком расстоянии Орлеан... Я дал ему оставшиеся 150 франков, и мы расстались... Шагов через сто от того места где мы предавались такой приятной надежде, по той же тропинке, которая должна была привести нас на биваки рус-ских, набежали мы на французский пикет. Нас привели в караульную к спящему офицеру, и, к счастью, приведший нас солдат не остался при допросе. Караульный офицер сперва думал, что мы только что взяты в плен на аванпостах, и не хотел верить, когда я сказал ему, что я уже более года в плену, взят под Москвою, а С. под Лейпцигом» [1, с. 285–286]. Перовский заплатил проводнику, простому кре-стьянину, 300 франков – все, что у него было. На эти деньги во Франции можно было безбедно прожить 2–3 месяца

Опубликованные воспоминания нашли горячий отклик у читающей публики. Личность Перовского заинтересовала Л. Н. Толстого. В 1878 г. в письме к своей двоюродной тетке Александре Андреевне Толстой он писал: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского. Теперь я привез из Москвы целую кучу материала для этого. Все, что касается В. А. Перовско-го, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично. Что бы ска-зали вы и его родные? И дадите ли вы и его родные мне бумаги и письма с уверенностью, что никто, кроме меня, их читать не будет, что я их возвращу, не переписывая, и ничего из них не помешу. Но хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу» [4, с. 351]

О том же Лев Николаевич писал и Илье Андреевичу Толсто-му. Александра Андреевна в своих воспоминаниях о Л. Н. Тол-стом писала: «Я и мой брат тотчас же отвечали Льву Николаевичу и затем выслали ему все нужные материалы» [4, с. 351]. А в письме

к самому Льву Николаевичу высказалась так: «*До сих пор я никогда не верила настоящим образом в ваш приезд сюда, но после получения вашего последнего письма, вообразите себе, я вполне убеждена, что вы приедете, и даже скоро. Готовлю все, что имею писаного материала, и поставила на ноги ленивого Бориса¹, чтобы и он сыскал – все, что осталось после брата. К сожалению, это немного. Покойный граф имел привычку все сжигать – но словесный матерьял даст вам полную возможность взглянуть в эту душу и эту натуру, в которой все было à grands traits, качества и недостатки. Брат мой² может вам сообщить многое об его служебной деятельности, а за остальным приезжайте ко мне и не опасайтесь, что я буду пристрастна в своем отчете. Правда все-таки дороже всего. Помню, что я уже много рассказывала вам про графа, но это так давно, и тогда мой внутренний взгляд был еще не тот, что теперь. Многое выясняется с годами и становится рельефнее*» [4, с. 352]

Ряд исследователей творчества Л. Н. Толстого (Е. Н. Строгонова, Т. Т. Бурлакова) считают, что некоторые страницы романа «Война и мир» появились под впечатлением от личности Перовского. Например, сюжет о Пьере Безухове в плену имеет явные реминисценции с записками Перовского, находившегося в плену у французов. О войне 1812 г. и Перовском написан роман Г. П. Данилевского «Сожженная Москва». Перовский как оренбургский губернатор упоминается в рассказе В. И. Даля «Охота на волков», в повести Л. Н. Толстого «За что?», в повести С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов», в книге В. П. Правдухина «По излучинам Урала» и других произведениях.

Еще один момент в записках Перовского привлекает внимание: кто этот загадочный С., с которым Перовский рискнул совершил побег? Как удалось выяснить – это Петр Николаевич Семенов, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, награжденный золотой шпагой «За храбрость» за Бородинское сражение [5, л. 255 об. – 256]. Под Кульмом Семенов попал в

плен, был отправлен, во Францию (у Перовского ошибочно указан Лейпциг), где содержались русские военнопленные. Там подружился с Перовским, вместе они совершили неудачный побег, с армией соединились только в Париже. Семенов не оставил мемуаров, в 1822 г. вышел в отставку капитаном, поселился в деревне с родителями, женился на Александре Петровне Бланк. У них родилось трое детей: Николай, ставший сенатором; Петр, впоследствии известный государственный деятель и географ, получивший к своей фамилии приставку Тян-Шанский; Наталья, вышедшая замуж за Якова Карловича Гро-та, известного филолога, академика и вице-президента Российской Императорской академии наук.

Петр Семенов много рассказывал в кругу семьи о пребывании во французском плену. Впоследствии эти устные рассказы были переложены его детьми. П. П. Семенов Тян-Шанский в своих «Мемуарах» описывает, как отец попал в плен под Кульмом: «Французы в беспорядке отступили в Саксонию, но что стало с русским обозом – было неизвестно, а между тем, в этом обозе находилась жена генерала Храповицкого. Командировка отца с небольшим разъездом, посаженным на коней, имела целью отыскание этого обоза. Отец, пробравшись между отступавшим неприятелем, быстро дошел до гор, отделяющих Чехию от Саксонии, и здесь только узнал, что русский обоз, ушедший в сторону, находился в полной безопасности. На возвратном пути отец беспрестанно встречался с беспорядочно отступающими французами, от которых ему удалось отбить несколько пушек, но, наконец, наткнулся на очень крупный французский отряд, которым и был окружен со всех сторон. Геройски защищался маленький разъезд отца, но выпустив все свои заряды и потеряв несколько человек убитыми, был, наконец, взят в плен, причем во внимание к храбрости отца ему была сохранена шпага.

Пленных повели пешком через всю Германию в южную Францию. Долго не получали родители никакого известия от отца, писали в полковой штаб и, наконец, получили роковой ответ: «Пропал без вести при преследовании неприятеля после Кульмского сражения». Письма, которые отец пытался посыпать из французского пленя не

¹ Борис Алексеевич Перовский – брат В. А. Перовского.

² Илья Андреевич Толстой в 1840 г. служил адъютантом у А. А. Перовского, в 1851 г. был снова направлен в Оренбург в его распоряжение.

доходили до родителей. После утомительного пешего хождения через всю Германию, Эльзас и Среднюю Францию отец с другими русскими пленниками, между которыми был и подружившийся с ним Василий Алексеевич Перовский (впоследствии оренбургский генерал-губернатор и граф), был возвращен в юго-западной Франции, где русских пленных очень радушно принимали в своих замках легитимисты, полюбившие отца за его веселость и остроумие» [6, с. 12].

Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского о пребывании в Париже в марте 1814 г. стало ясно, почему родные долго не получали известий от попавших в плен: «письма, назначенные за границу или из чужих краев присланые... в течение трех лет хранились в великом множестве на почте» [7, с. 49]. Хотя часть писем к родным Семенова все-таки дошла. К. Я. Гrot вспоминал: «К сожалению, интересные письма Петра Николаевича из плена, свято хранившиеся его матерью, были утрачены после смерти ея» [8, л. 11].

Есть у Семенова-Тян-Шанского и описание побега: «Когда же после многих сражений русская армия придвижнулась к Парижу и окружила его кольцом, мой отец и Перовский решили бежать из плена и присоединиться к своей армии. С разными приключениями они добрались до Орлеана, но здесь были узнаны, арестованы и переданы орлеанскому мэру. Однако мэр этот уже не сомневался в неблагополучном для Наполеона исходе войны и потому до отдачи беглых пленников под военный суд, который неминуемо приговорил бы их к разстрелю, дал им возможность совершить новый побег. Наконец пленники достигли до союзных аванпостов и, заявив о своем освобождении из плена, были приняты в состав войск, подходивших к Парижу с юга, между тем как Измайловский полк действовал на северо-восточной стороне. Париж сдался, и русская армия с торжеством вошла во французскую столицу» [6, с. 13].

Перовский описывает ситуацию иначе: «Мэр был пожилой человек, весьма привлекательной наружности, и я отдаю ему полную справедливость; я уверен, что он признал нас за беглых пленных, но не хотел вредить нам, и, притворяясь, что нам верит, велел нам дать подводу и нас накормить. Открытая крестьянская телега, в

холод и снег, показалась нам, после прошлой ночи, роскошною повозкой. Мы спали до первого места, где надлежало переменить подводу, которую дали беспрепятственно по открытому листу доброго мэра, и в том же день поздно вечером, догнали мы своих товарищ в Туре, усталые, голодные и без денег. О побеге нашем не было еще известно, и тем кончилось неудачное мое и С. покушение...» [1, с. 280].

Мы видим, как событие обрастает новыми нюансами, мифологизируется. Появляются факты, противоречащие действительности, домысливаются ситуации (надо казать, что бежавших из плена заключали в крепость, а не расстреливали). То, что для Перовского лишь эпизод, для Семенова-Тян-Шанского – центральная тема, на основе которой складывается героический образ отца. Семейные легенды сообщают о втором побеге и свидетельствуют о стремлении во что бы то ни стало включить отца в число тех, кто освобождал Париж.

Справедливости ради следует отметить, что биограф Перовского Захарин так же, как и Семенов-Тян-Шанский, утверждал, что побег был совершен дважды. Правда, документальных данных подтверждающих эти семейные легенды пока не выявлено.

Дочь Семенова Наталья Гrot оставила записки, которые назвала «Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Гrot», т.е. четко определила, для какой цели были написаны мемуары. Она так пишет об отце: «Чтоб во время плена поднять упадший дух товарищ, отец, по обычной своей веселости, сочинял экспромтом маленькие французские сцены и фарсы, раздавал роли товарищам офицерам, и все они разыгрывали их на воздухе, причем дамы выходили на балконы, и после часто зазывали к себе и угощали «интересных русских пленных». У бабушки моей, его матери, хранилось шесть тонких голландских рубашек, которые он получил в подарок от французских дам, узнавших, что пленные более всего нуждались в белье» [9, с. 4]. Конечно, и здесь имеют место преувеличения. Так, Перовский пишет, что «С. ... говорил по-французски худо, но говорить любил» [1, с. 281]. Однако записки Натальи Гrot рассказывают нам о досуге военнопленных российской армии, а также о проблемах, с которыми им

приходилось сталкиваться. Так, уже упоминаемый выше М. Коцебу пишет, что сильно страдал от того, что не имел возможности сменить одежду: «Существенным нуждам моим помог благородный незнакомец, господин Андерсен... он отыскал и с благородным стыдом предложил мне две рубашки...» [10, ч. 1, с. 93].

Или П. А. Тучков 3-й вспоминает первые дни плена: «В том же день вошел ко мне камердинер принца Невшательского и принес две батистовые рубашки и две пары бумажных чулок из белья принца, прося меня принять и говоря, что принц приказал мне сказать, что я ни за какие деньги, по причине совершенного опустошения города, ничего достать в оном не могу; а так как рубашка на мне и все мое плащье были облиты запекающимся моей кровью, то я и был рад переменить белье, а потому и принял все оное с благодарностью» [11, стб. 1954].

Обаяние личности П. Семенова было столь велико, что он нем неоднократно писал Я. К. Гrot [8, 12]. Об участии Семенова в событиях 1813-1814 гг. он говорит следующее: «В кампании 1813 г. он при начале Кульмского дела был командирован один, без всякого отряда для отыскания отставшего обоза с провиантом. Он отыскал обоз, но быв отрезан неприятелем, принужден был присоединиться к корпусу Пруссского генерала Клейста в виде волонтера; в первом же после того деле он попал в плен и отправлен в Суассон, где и оставался до взятия Парижа» [12, стб. 449]. Как видим, речь вообще не идет ни о побеге, ни об участии во взятии Парижа. Зато упоминается Суассон, и теперь мы точно можем сказать, что там В. А. Перовский и П. Н. Семенов встречались с еще одним офицером, попавшим в плен и оставившим мемуары – М. А. Коцебу, а также с генерал-майором П. А. Тучковым 3-м, который был старшим над офицерами, содержащимися в этом городе.

Таким образом, анализируя воспоминания В. А. Перовского, переписку Л. Н. Толстого с А. А. Толстой, мемуары детей П. Н. Семенова мы можем проследить процесс формирования исторической памяти.

Яркими и интересными являются воспоминания М. Коцебу, также содержавшегося в плену в г. Суассоне. Морис Авгу-

стович Коцебу, или, как его еще называли на русский манер, Маврикий Евстафиевич, был сыном весьма популярного в начале XIX в. писателя Августа Коцебу. Род Коцебу происходил из Штенделя и был известен еще в начале XV столетия. Август был первым из рода Коцебу, поселившимся в России. У него было двенадцать сыновей, из которых Оттон – известный мореплаватель; Маврикий – генерал-лейтенант и сенатор; Павел – генерал-губернатор в Одессе, потом в Варшаве, получивший в 1874 г. графский титул в России; Вильгельм – посланник в Дрездене и Берне; Александр – известный живописец. Род Коцебу был внесен в дворянский матрикул Эстляндской губернии и во II часть родословной книги Санкт-Петербургской губернии [13, с. 460].

Морис Коцебу родился около 1790 г., был воспитанником 1-го кадетского корпуса. С июня 1803 по август 1806 г. находился по высочайшему повелению в путешествии вокруг света на фрегате «Надежда» вместе с братом Оттоном под командой И. Ф. Крузенштерна [14, с. 355]. В 1806 г. был произведен в подпоручики в свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части.

В 1807 г. за отличие под Фридландом, где был ранен, пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом [15, с. 21]. В том же году был командирован на съемку Эстляндской губернии и занимался этой работой до 1810 года. В 1810 г. был командирован в разные пункты Российской Империи для исправления подробной карты России. Годом позже М. Коцебу был произведен в поручики и назначен в 5-ю пехотную дивизию. Он был захвачен французами на рекогносцировке при м. Белом 10 августа 1812 г. и находился в плену до 27 апреля 1814 г. Перипетии военного плена М. Коцебу описал в книге «Русский военнопленный среди французов», которая впервые вышла на немецком языке в Лейпциге в 1815 г. [16]. Воспоминания были переведены на английский и голландский языки [17, 18]. В России книга вышла в 1816 г., и ее название звучит более романтично: «Русский военнопленный, или приключения Мориса фон Коцебу в плену французов, изданные Августом Коцебу» [10].

Написанные с большой долей юмора, легким, изящным стилем, воспоминания, видимо, были литературно обработаны А. Коцебу. Записки М. фон Коцебу позволяют осветить ряд интересных проблем, связанных с нахождением во французском плену русских офицеров.

Обычно много пишут о восприятии иностранцами русских, а в воспоминаниях Коцебу мы можем увидеть, как русские воспринимали поляков, немцев, французов.

Пруссия произвела на Мориса Коцебу сильное впечатление, он не перестает восхищаться: «Подумать можно, что переселился в другой свет, когда приедешь из Литвы в Пруссию. Красивые домы, прекрасные деревни, множество встречающихся маленьких городков, уже издали улыбающихся путешественникам; повсюду честные немцы, которые охотно делили с нуждающимися все, что имели» [10, ч. 1, с. 165].

«С чувством благодарности упоминаю также здесь об одном трактирщике, который будучи сам человек небогатый, несколько дней кормил безденежно 15 пленных офицеров, и даже одного из них снабдил бельем и платьем. Накануне своего отъезда офицеры пришли к нему проститься. Они написали письмо, в коем с благодарностью изъяснили, что делал для них сей человек, поручали его русским начальникам в случае приходу русского войска в Тильзит, а в конце прибавили просьбу довести до сведения государя, что в Тильзите живет человек, который столь великодушно поступал с русскими пленниками» [10, ч. 1, с. 171]. О благожелательном отношении немцев к пленным русским офицерам свидетельствует и такой факт: «Только что хотели мы ехать, как пришел инженерный поручик, с коим познакомился я у доброго обер-форштейтера. Он принес нам еще пособие, собранное благодетельными людьми» [10, ч. 1, с. 175].

Совершенно иное отношение поляков к русским военно-пленным. Коцебу пишет: «...прибыли в Бромберг. Что город сей принадлежит теперь полякам, доказывает беспорядок в ратуше, где несколько часов дожидались мы квартирного билета, и, наконец, назначили нам дом, который был уже занят. И так мы принуждены были опять идти в ратушу; но господа судьи сидели уже опять за

своими кружками и пальцем, омоченным в поливо малевали на столе победы Наполеона. С негодованием и медленно встали они из-за стола, чтобы ненавистным пленникам назначить пристанище.

И польский комендант был столь же неучтив, сколько любопытна его супруга. Он велел на другой день позвать нас к себе. Мы изумились и думали, не хочет ли сделать нам какого-либо важного открытия; но ничего не бывало: любезная половина его изволила забавляться со своей собачкой, и утомясь, для перемены захотела посмотреть русских пленных. Странная была сцена: раскинувшись, сидела она на софе и пристально на нас глядела. Супруг также смотрел и прошептал потом ей что-то на ухо, после чего милостиво кивнула она головою. В четверть часа не сказано было нам ни слова. Наконец, казалось, были они оба в замешательстве, и не знали, как от нас отделаться. Губернаторша вскочила и ушла, губернатор за нею. Мы посмотрели друг на друга и громко засмеялись. Через несколько минут губернатор возвратился. Мы молчали, он также. С замешательством поглядел он раза два в окно, кашлянул и начал говорить: «Знаете ли, государи мои, что Москва взята?» – Знаем, – отвечали мы, – но, также и то, что и французы опять из нее вышли. – Но он думал, что это еще не верно, и потом спросил: были ли между нами поляки? Их было двое. Он сделал им предложение вступить в польскую службу, которое отклонили они приличным образом. Наконец, мы лишились терпения и один за другим ушли, не простясь. Это был самый глупый человек; любопытство жены своей мог бы он удовлетворить приличным образом, но только изобличил простоту свою и оскорбил бедных пленников. Город сей был хороший в правление прусское; теперь видны только остатки некоторых прекрасных учреждений, и мы весьма были рады, когда из него выехали» [10, ч. 2, с. 8-11].

То есть прослеживается неоднозначное отношение к русским военнопленным в европейских странах. Так, со стороны поляков – это резкое неприятие всего русского, враждебность, а иногда и неприкрытое хамство, со стороны немцев – в основном сочувствие и желание помочь морально и даже деньгами.

Во Франции Коцебу наблюдает быт и нравы французов и дает им весьма строгую оценку. «О гостеприимстве французы не

имеют понятия. Ежели кто приходит во время обеда, тому подают стул и более ничего, а сами покойно кушают. Французские мужики глупы, бесстыдны и ужасно корыстолюбивы... Русский крестьянин, когда придешь в его жилище, не отпустит не накормя молоком. Ни один французский крестьянин не знает грамоты. Даже в мещанстве считается отличным воспитанием, ежели девушка умеет читать и писать. И образ жизни крестьян весьма жалкий. Редко едят они мясо; одежда их есть балахон из голубой холстины. Толстые деревянные их башмаки производят несносный стук, особенно когда играют они на бильярде, ибо не редко приходят они в кофейные дома с покрытыми головами, кричат *garson*, курят табак, пьют поливо и играют в марьяж. Неописана нечистота в крестьянских избах. На счет вина ничего им завидовать; оно гораздо хуже русского квасу. Кто все это знает, видел и испытал, тот еще более изумится бесстыдным требованиям французских войск в чужих землях» [10, ч. 2, с. 124, 128, 129].

Не меньшей критике подвергаются нравы французского высшего общества. На свой страх и риск (пленникам запрещалось отклоняться от указанного маршрута следования) Коцебу решает посмотреть Париж. Как обычно, он все подмечает и делает ряд интересных наблюдений: «Француз не упускает никакого случая, чтобы значить что-нибудь в глазах незнакомца. Едва выговорил я, что желаю видеть лучшие здания города, как и знал уже, где Тюльери, Пале-Рояль и пр. и пр.... Скоро очутился я в так называемом повелевающим кругу парижских щеголей; и вот краткое изображение оного: при входе в сие святилище обжорства надлежит хозяйке кивнуть головою, пропеть слова два из какой-нибудь известной арии, поершить волосы, посмотреться в зеркало, ежели есть дамы нагло уставиться на них в лорнет, не сесть, но развалиться на стуле, и закричать во все горло: *garson! la carte!* (малой! карты!), тогда бросятся услуживать, получиши ласковый взгляд хозяйки, и за то берут с тебя вдесятеро» [10, ч. 2, с. 77, 79].

Приехав в Суассон, Коцебу подробно описывает как сам город, так и положение военнопленных: «Как скоро пленника представят к коменданту, должен он подписать присягу, как в

Майнце, но с условием, что не отлучиться от городу далее половины мили; тогда получат без платы квартиру на три дни, но без содержания. По прошествии трех дней должен он уже нанимать за свои деньги. Генерал получал в месяц содержание 150 франков, полковник – 100, подполковник и майор – 75, капитан – 50, поручик или прапорщик – 29, унтер-офицерам и солдатам было лучше, т. к. они кроме нескольких денег получали хлеб и мясо, следовательно, не голодали. Из упомянутого видно, что генерал может жить без нужды, полковник посредственно, подполковник и майор с нуждою, но прапорщик еще хуже. Конечно, могут быть они сыты за 29 франков, но чем заплатить за жилище, белье, сапоги и проч.? ... Впоследствии время столь сильно истрепало нашу одежду, что мы ходили без сапог, с изодранными локтями... Если бы каждому тотчас по прибытии выдавалось месячное содержание, то каждый мог бы взять меры: но это казалось правительству весьма опасным. Ибо некоторые могли умереть до истечения месяца, и, следовательно, выданное жалование не возвращалось бы» [10, ч. 2, с. 101-104]. Т.е., мы видим, с какими проблемами приходилось сталкиваться военнопленным: полу-голодное существование, нехватка верхней одежды и белья, необходимость снимать жилье в складчину, холод в домах зимой, унылый досуг, негативное отношение местного населения.

Коцебу пишет: «Соассон довольно богатый город, имеет 6000 жителей, но ни один не тронулся нашим положением. ... во всем Соассоне (свидетельствуют 200 моих товарищей) ни один хлебник, даже за поручительством самого коменданта, не давал в долг хлеба, и потому многие принуждены были в настоящем смысле просить милостыню» [10, ч. 2, с. 103-104].

Именно из записок Коцебу мы узнаем о количестве офицеров, находящихся в плену, а также некоторые фамилии. «Впрочем, все число пленных офицеров во все время продолжительной войны простипалось только до 260 человек, между коими находился один генерал и, по крайней мере, 60 штатских чиновников, большую частью помещиков, коих, не зная почему, извлекли из среды их семейства и объявили военнопленными» [10, ч. 2, с. 113-114].

Коцебу рассказал случай, когда пятеро русских военно-пленных решили бежать, данная информация позволяет нам судить о формах наказания за побеги. «*Переодевшись в крестьянское платье, вышли они из Соассона и пошли через Лиль в Дюнкерхен, дабы достичь морского берега во Фландрии, где надеялись найти судно и отправиться в Англию. Днем спали, ночью шли. То и другое было опасно; ибо Фландрия плоская страна, не имеющая не только кустарников, где бы скрыться, к тому же не знали они дороги, следственно надлежало беспрестанно спрашивать; это возбудило внимание. Однако ж счастливо прошли они 3/4 пути, борясь с голодом и жаждою. Как вдруг в одну ночь встретились с жандармами, коими и были захвачены. Их пересылали из одной тюрьмы в другую до самого Соассона, но и там посадили их в тюрьму, и только по общей просьбе нашей не заперли вместе с подлыми преступниками. Я был один из немногих получивший позволение посещать их. Какое ужасное зрелище! Едва узнал я их в крестьянской одежде, обросших волосами. Сколько в силах были, облегчали мы участь товарищай. Французы не имели к ним никакого сострадания» [10, ч. 2, с. 160, 161].*

Анализ воспоминаний дает возможность выяснить маршрут следования русских военно-пленных по Литве, Пруссии и Франции; суммы, выделяемые на содержание русских военно-пленных, порядок их размещения, настроения и досуг русских, наказания за побеги и нарушения установленного режима содержания. Воспоминания дают прекрасный материал для биографии самого М. Коцебу. Кроме того, в них упоминаются некоторые подробности, касающиеся других русских военно-пленных, таких как майор Свечин, ротмистр Гюне, генерал П. А. Тучков и др. К сожалению, после 1816 г. воспоминания более не переиздавались. Они не вошли в сборники, выпущенные В. И Харкевичем, К. А. Военским, В. В. Каллашом. Не упоминает о них А. Г. Тартаковский. Так что говорить о влиянии воспоминаний М. фон Коцебу на формирование исторической памяти не приходится. Только в XXI в. эти записки стали предметом анализа [19], а в связи с 200-летним юбилеем Отечественной войны 1812 года были выложены на сайте РГБ [20].

Воспоминания генерала П. А. Тучкова также известны [11], однако о нахождении в плену он практически не упоминает, подробно описывает, как попал в плен и последовавшую беседу с Наполеоном. С 1 июля 1812 г. Тучков командовал бригадой 17-й пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса, 7(19) августа отряд Тучкова перекрыл Московскую дорогу у Валутиной Горы под Смоленском, отражая атаки неприятеля, обеспечил выход на нее корпусов 1-й Западной армии. Тучков лично повел в штыковую контратаку Екатеринославский гренадерский полк. Когда под ним убили лошадь, встал с ружьем в ряды головного взвода. В рукопашной схватке был ранен штыком в бок, получил несколько сабельных ударов в голову, израненным попал в плен.

Через несколько дней в Смоленске Тучков был доставлен к Наполеону. Состоявшийся разговор Тучков воспроизвел в своих воспоминаниях: «...Наполеон спросил меня: как я полагаю, дадим ли мы скоро генеральное сражение, или будем все «ретироваться». Я ему отвечал, что мне не известно намерение главнокомандующего. Тут он начал отзываться об нем очень невыгодно, говоря, что немецкая его тактика ни к чему хорошему нас не доведет, что Россия нация храбрая, благородная, усердная, которая создана драться благородным образом, на чистоту, а не немецкой глупой тактике следовать» [11, стб. 1959–1960].

Воспоминания П. А. Тучкова были опубликованы после его смерти, в «Русском архиве» в 1873 г., долгое время бумаги хранились у его сына Александра Павловича Тучкова и были напечатаны с его согласия. Вряд ли они предназначались для широкой публики. Воспоминания показывают глубокие личные переживания в связи с нахождением в плену. Тучков как будто оправдывается за то, что он не погиб, объясняет, что его спасло лишь то, что он был генералом, «неприятель, встретя нас штыками, опрокинул колонну нашу, и я, получив рану штыком в правый бок, упал на землю. В это время несколько неприятельских солдат подскакали ко мне, чтобы приколоть меня; но в самую ту минуту французский офицер, по имени Этиен, желая иметь сам сие

удовольствие, закричал на них, чтоб они предоставили ему это сделать. *Laissez, moi faire, je t'en vais l'achever*, были его слова¹, и с тем вместе ударил меня по голове имевшееся в руках его саблею. Кровь хлынула и наполнила мне вдруг и рот, и горло, так что я ни одного слова не мог произнести, хотя был в совершенной памяти. Четыре раза наносил он гибельные удары по голове моей, повторяя при каждом: *Ah je t'en vais l'achever*², но в темноте и запальчивости своей не видал того, что чем более силился нанести удар мне, тем менее успевал в том: ибо я, упав на землю, лежал головою плотно к оной, почему конец сабли его, при всяком ударе, упираясь в землю, уничтожал почти оный так, что при всем усилии его он не мог мне более сделать вреда, как только нанести легких ран в голову, не повредя череп. В этом положении казалось, что уже ничто не могло спасти меня от очевидной смерти: ибо, имея несколько штыков упртыми в грудь мою и видя старание господина Этьена лишить меня жизни, ничего не оставалось мне, как ожидать с каждым ударом последней моей минуты. Но судьбе угодно было определить мне другое. Из за протекавших над нами облаков вдруг просиявшая луна осветила нас своим светом, и Этьен, увидя на груди моей Анненскую звезду, остановив вознесенный, уже может быть, последний роковой удар, сказал окружавшим его солдатам: „Не трогайте его, это генерал, лучше взять его в плен”; и с сим словом велел поднять меня на ноги. Таким образом, избежав почти неминуемой смерти, попался я в плен неприятелю» [11, стб. 1950–1952]. И хотя французы относились к Тучкову уважительно, оказывали медицинскую помощь, кормили, принц Невшательский дал в долг денег, в связи с предстоящей долгой дорогой во Францию, тем не менее, генерал-майор Тучков остро переживал все происходящее.

Из воспоминаний Тучкова нам становится известно, что французы допрашивали офицеров, попавших в плен, а генералов Наполеон допрашивал лично. «Всякий почти день, с самого отступления вашего от границ, мы берем пленных, и нет почти ни одного из ваших полков, из которого бы их у нас не было; их расспра-

шивают о числе полков и рот, в которых они находились: ответы их кладут на бумагу, и таким образом составляется сведение, о коем я вам теперь сказал» [11, стб. 1958]. Сохранились документы, свидетельствующие о беседах Наполеона с Ф.Ф. Винцингероде, П. Г. Лихачевым, К. М. Полторацким и др. [21–23].

Еще один весьма любопытный источник, связанный с заграничными походами российской армии – записки артиллерийского офицера А. М. Барановича, впервые опубликованные Сивковым в «Голосе минувшего».

К сожалению, на сегодняшний день пока не удалось найти сведений о жизни этого офицера. Все что у нас есть – это его воспоминания. А. М. Баранович рассказывает о том, как 10 февраля 1814 г. в сражении под Шампобером попали в плен русские офицеры и солдаты.

Анализируя эти записи, можно отметить что, поведение французских солдат по отношению к пленным не изменилось: «французы, обезоружив, собрали, все вещественности, какую кто имел, у генералов, штаб- и обер-офицеров отбирали кошельки с деньгами, часы, но крестов не трогали, говоря между собой: эти им даны за заслуги! Но сапоги и шинели не миновали их рук. Потом, посадив генералов, штаб- и обер-офицеров на верховых лошадей, а прочих с нижними чинами шеренгою повели в Париж. Через Париж следовали тем же порядком, по 3 в ряду, в виду окружавшего народа, утешающегося с (по поводу) взятых трофеев и победы над русскими» [24, с. 155]. Также, как и в начале войны, военнопленные генералы, штаб- и обер-офицеры получили прогонные и порционные деньги. О чем также упоминал в своих записках М. Коцебу. Кроме того, становятся известны новые пункты размещения пленных – Пломбье и Версаль. В Пломбье офицеры были размещены по квартирам, а нижние чины в казармах. Старшим был назначен генерал-майор К. М. Полторацкий.

В 1814 г. многие французы выражали явное сочувствие русским военнопленным. Так, в Версале «прибывший отряд пленных, остановившись на площади до времени развода по квартирам, удивил жителей своим беспорядочным видом: у кого не было сапог, рубахи,

¹ Пустите меня, я с ним покончу.

² Ах, я с ним покончу.

шинели, портков, без покрова головы, а тряпками обвязаны, – и тотчас принесли чулки, башмаки, штаны, кофты, шляпы, блузы, и одели наших солдат и офицеров так забавно, что нельзя было узнать, кто (он): француз или русский!» [24, с. 155].

Также в записках А. М. Барановича сообщается, что после подписания мира эту группу военнопленных перевезли в Россию на кораблях [24, с. 156].

Как видим, в «Записках» приводится достаточно много интересных фактов, но в преддверии празднования 200-летия Отечественной войны 1812 года в оклон научной литературе появились компиляции из записок Барановича без указания источника. Например, Андрей Буровский в книге «Наполеон – спаситель России», Евгений Понасенков в статье в газете «Аргументы недели» утверждают, что «согласно многочисленным рапортам полковых командиров, сохранившимся в архивах, 40 тыс. русских солдат дезертировали, когда вошли в 1814 году во Францию» [25, 26].

Возникает вопрос, откуда взята такая цифра? И какова методика подсчета? Оказалось, чтобы ответить на эти вопросы, достаточно познакомиться с воспоминаниями А. М. Барановича: «В 1813 г., по замирении с французами, когда нашей артиллерийской роте велено было остановиться в Еперне (Эпернэ, на р. Марне), провинции, славящейся шампанским вином, то в шестинедельном квартировании наши солдаты успели ознакомиться (так), с хозяевами своею честностью и услугою, что (те) стали употреблять их на работе в виноградниках, (для работ) полевых, при домашнем очаге...

По 6-недельном отдохновении приказано было выступать в Россию; ...другой же день, для похода по сбору хотя (солдаты) и явились в парк, но не досчитались семнадцати рядовых, бежавших к своим хозяевам, уговорившим содержать их на своем иждивении и женить на дочерях. Когда же мы прибыли на границу России, то слышали, что из всего войска осталось во Франции до сорока тысяч низких чинов, о возврате которых Государь Александр и просил короля Людовика XVIII под условием, что возвращающийся в отчество наказанию не подлежит, если добровольно явится в полк на службу или в домашнее

свое семейство, и путевые издержки Государь приемлет на свой счет. Но король не в состоянии был исполнить государеву просьбу за утайкою французами беглецов, и потому ни один не возвратился» [24, с. 153–154].

Как видим, «горячая» информация базируется вовсе не на «рапортах полковых командиров», а на слухах и домыслах. Хотя мемуары и являются важным историческим источником, тем не менее, относится к заложенной в них информации необходимо с осторожностью, сопоставляя с данными, полученными из других источников. Тем более, что в данном случае в воспоминаниях А. М. Барановича информация о сорока тысячах дезертиров уже определена как слух. И те, кто действительно работают с такими историческими источниками как рапорты, знают, что там указывается информация об убитых, раненых и пропавших без вести. И чтобы выяснить, кто из пропавших без вести попал в плен, кто дезертировал, а кто был убит, приходится сопоставлять и анализировать достаточно большое количество разнообразных источников.

О сражении под Шампобером и последующем плене сохранились воспоминания генерала К. М. Полторацкого. Сами воспоминания были составлены как ответ на вопросы известного военного историка Александра Ивановича Михайловского-Данилевского, хранятся в отделе рукописей РНБ фондах А. И. Михайловского-Данилевского и П. К. Шильдера. Именно Михайловский-Данилевский впервые опубликовал запись разговора Полторацкого с Наполеоном в книге «Описание похода во Францию в 1814 г.». Оказалось, что этот разговор всего лишь третья часть воспоминаний Полторацкого. Современный исследователь А. И. Сапожников не только выявил местонахождение мемуаров, но и опубликовал в «Русском прошлом» полную версию воспоминаний [21, с. 142–147]. Приводимые сведения во многом совпадают с информацией Барановича.

Т.о., мемуары – это ценный исторический источник. Благодаря мемуарам образы исторического прошлого приобретают особую силу.

Мемуары – позволяют составить портрет личности, понять логику ее действий.

Мемуары – источники формирования исторической памяти поколений.

Список литературы

1. Первский, В. А. Из записок покойного графа Василия Алексеевича Первского / В. А. Первский // Русский архив. – 1865. – № 3. – Стб. 258–286.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1021. Оп. 2. Д. 61.
3. Захарьин (Якунин), И. Н. Граф В. А. Первский и его зимний поход в Хиву / И. Н. Захарьин (Якунин). – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1901. – 346 с.
4. Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903). – М. : Наука, 2011. – 1003 с.
5. РГВИА. Ф. 29. Оп. 153 г. Св. 20. Д. 13. Л. 255 об. – 256.
6. Мемуары П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. Детство и юность (1827–1855). – Пг. : Изд. семьи, 1917. – 322 с.
7. Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары: 1814–1815 гг. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2001. – 400 с.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.
9. Гrot, Н. П. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Гrot / Н. П. Гrot. – СПб. : Б.и., 1900. – 186 с.
10. Коцебу, М. Русский военнопленный, или приключения Мориса фон Коцебу в пленау французов, изданные Августом Коцебу / М. Коцебу. – М. : Университетская типография, 1816. – Ч. I. – 190 с. ; Ч. II. – 198 с.
11. Тучков, П. А. Мои воспоминания о 1812 году / П. А. Тучков // Русский архив. – 1873. – Т. 10. – Стб. 1929–1968.
12. Гrot, Я. К. Об авторе «Митюхи Валдайского» / Я. К. Гrot // Библиографические записки. – 1861. – № 15. – Стб. 440–449.
13. Энциклопедический словарь. Т. 16. Конкорд-Колон. – СПб. : Типолитография И. А. Ефона, 1895. – 590 с.
14. Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцева. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1901. – Т. 9. – 494 с.
15. Список кавалерам императорских орденов всех наименований за 1829 г. – Ч. III. – СПб., 1830. – 801 с.
16. Von Kotzebue, M. Der russische Kriegsgefangene unter den Franzosen / M. von Kotzebue. – Leipzig : P. G. Kummer, 1815. – 299 p.
17. Von Kotzebue, M. The Russian Prisoner of War among the French / M. von Kotzebue. – London : Printed for Gale and Fenner, by S. Hamilton in London, 1816. – 320 p.
18. Von Kotzebue, M. Verhaal der fransche krijgsgevangenschap (Augustus 1812, tot April 1814) / M. von Kotzebue. – Amsterdam : bij Geysbeek & Comp., 1815. – 314 p.
19. Назарян, Е. А. Судьбы русских военнопленных 1812 года / Е. А. Назарян – Обнинск : ООО «ГИД», 2012. – 372 с.
20. URL: http://1812.rsl.ru/all_materials/books/287/
21. Мемуары из коллекции А. И. Михайловского-Данилевского / ввод. ст., подг. текста и ком. А. И. Сапожникова // Русское прошлое. Кн. 7. – СПб., 1996. – С. 138–159.
22. Soltyk, R. Napoleon en 1812, memoires historiques et militaires sur la campagne de Russie / R. Soltyk. – Paris : Bertrand A., 1836. – 464 p.
23. Коленкур, А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию / А. Коленкур. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1943. – 380 с.
24. Баранович А. М. Русские солдаты во Франции в 1813–1814 гг. (Из записок арт. оф. А. М. Барановича) / А. М. Баранович ; публ. К. Сивкова // Голос минувшего. – 1916. – № 5/6. – С. 153–156.
25. Понасенков, Е. Наполеон Бонапарт – кавалер Ордена Святого Андрея Первозванного! / Е. Понасенков // Аргументы недели. – 2010. – 7 октября. – С. 3.
26. Буровский, А. Наполеон – спаситель России / А. Буровский. – М. : Яуза, 2009. – 416 с.